

Oriental y la Campaña de África del Norte), pese a que no se traten de los escenarios habituales del conflicto que presentan las narrativas occidentales, especialmente las del cine de Hollywood. Se entiende así la voluntad de ambos autores por dar visibilidad a estos episodios del conflicto con el fin de contravenir la “doxa” predominante en Occidente, según la cual fue Estados Unidos el principal vencedor de la Alemania nazi.

Por otra parte, no es casualidad que ambos autores recurran a personajes que han caído en el olvido, como Cherniakhovski, o que han permanecido siempre en el anonimato de la Historia, como Miralles. Por medio de estos personajes tanto Bolaño como Cercas plantean la reflexión sobre la influencia que ejercen sobre el presente los acontecimientos del pasado y, por tanto, la necesidad de recordarlos para no perder de vista nuestra deuda ante ellos. Así se deben entender las palabras de Miralles al hablar de sus compañeros republicanos muertos en la Segunda Guerra Mundial: *“Nadie se acuerda de ellos [...] y, menos que nadie, la gente por la que pelearon. No hay ni va a haber nunca ninguna calle miserable de ningún pueblo miserable de ninguna mierda de país que vaya a llevar nunca el nombre de ninguno de ellos”*.

Más allá de la denuncia de Miralles, el tipo de memoria que reivindican ambos autores posmodernos tiene que ver más bien con la búsqueda personal y subjetiva dentro de cada microhistoria que con la memoria oficial. Se trata de una búsqueda en la que el sujeto indagador adquiere un rol central en la reconstrucción y en la internalización del pasado. Bajo este prisma se puede entender la obsesiva búsqueda historiográfica del narrador de *Soldados de Salamina* o el valor simbólico que tiene para Stein el retrato de su tío: *“El retrato de Cherniakhovski [...] estaba allí, en la casa de Juan Stein, y eso probablemente fuera mucho más importante [...] que los bustos y las ciudades con su nombre y las innumerables calles Cherniakhovski mal asfaltadas de Ucrania, Bielorrusia, Lituania y Rusia”*.

Como conclusión, se puede afirmar que la búsqueda que plantean ambos autores a través de las subtramas analizadas intenta superar el modelo de memoria social y totalizadora que promueven los reconocimientos formales e institucionales. Así, frente a las grandes narrativas nacionales propias de las novelas históricas decimonónicas y modernistas, en la posmodernidad la mirada individual, microscópica y fragmentaria al pasado se plantea como base ineludible para la reconstrucción auténtica del mismo.

Ю. А. Светлович

КОНЦЕПЦИЯ МАРГИНАЛЬНОГО ГЕРОЯ В РОМАНАХ ДЖ. М. КУТЗЕЕ

Южноафриканский писатель Дж. М. Кутзее – выдающийся автор современности. Его романы занимают особое место как в южноафриканской литературе, так и в литературе всего мира. Маргинальность, периферийность всегда являлась сопутствующим обстоятельством всей биографии писателя,

начиная с детских лет, что оказало существенное влияние на его творчество и выдвинутый им тип героя. Проблема маргинальности, неспособности и нежелания главных героев Кутзее вписаться в существующую систему, их изгнанничество (как добровольное, так и вынужденное) лежат в основе многих романов автора. С наибольшим акцентом они раскрыты в таких романах, как «Жизнь и время Михаэла К», «В сердце страны» и «Бесчестье».

«В сердце страны» – второй роман Дж. М. Кутзее, вышедший в 1977 году. Он представляет собой сложный и фрагментарный поток сознания главной героини – Магды, живущей в пустыне посреди песков вместе со своим отцом и несколькими слугами. На этом внятная композиция романа обрывается, так как всё повествование, по сути, представляет собой внутренний монолог (или своеобразный диалог с читателем), перемежающийся ассоциациями, импульсами, воспоминаниями или фантазиями. Весь текст – то ли плод больного сознания героини, страдающей от невыносимого одиночества и пустоты, то ли реальные события, в ходе которых она зверски убивает своего отца и его любовницу, то ли ее попытка создать себя через текст. Важнейшей чертой романа является размытость границ между реальностью и вымыслом, что в особенности проявляется, когда мы читаем противоречивый рассказ о событиях. Мы учимся фокусироваться на конструкции повествования главной героини и на том, как это раскрывает ее персонаж. Трагедия Магды заключается в ее безвыходном одиночестве, в бесплодности попыток отдать и получить любовь, принадлежать кому-то или обладать кем-то, так как она оказывается вытесненной из системы простых человеческих отношений. Маргинальность Магды вынужденная и болезненная, побуждающая ее искать сопричастности, единства и близости в рамках своего сознания, в своих собственных мечтах и кошмарах, моделировать действительность, пытаться восполнить внутреннее одиночество посредством конструирования собственной идентичности через текст. Текст есть одновременно и свидетельство маргинальности главной героини, и способ преодолеть вынужденную маргинализацию.

В центре сюжета романа «Жизнь и время Михаэла К.» (1983), удостоенного Букеровской премии, судьба Михаэла К., который представлен как «умственно отсталый» с врожденным увечьем (заячьей губой), что стало причиной его полной замкнутости и оторванности от людей. Михаэла К. – обычный южноафриканец – становится жертвой политики апартеида (принудительный труд, концентрационные лагеря и т.д.) и всеми путями пытается ускользнуть от этих механизмов государственного контроля. Так как действия романа разворачиваются в период обострения социального кризиса, механизмы государственного контроля хоть и усиливаются, но еще не достаточно эффективно функционируют, что позволяет главному герою жить в этих «пробелах», на периферии. Идя общей с обществом дорогой жизни, но не участвуя в его жизни, не всматриваясь в жестокую, окружающую действительность, он интуитивно избирает путь изгоя, становясь чем-то вроде растения или насекомого. Но окружающий социум не позволяет «просто жить»: то и дело сквозь фантазию «чистого существования» проступает вполне реальная обыденность. Дезертиры, партизаны, полиция, солдаты, карательные отряды,

трудоу и исправительные лагеря – все это постоянно будет фокусироваться в эпизодах романа. «А сейчас устроили лагеря для детей лагеря для людей с большими головами и лагеря для людей с маленькими головами, лагеря для рабочих лагеря для крестьян для проституток лагеря для неграмотных, лагеря для повстанцев. Может быть, счастье в том, чтобы просто не попасть в лагерь, ни в один из этих лагерей». В отличие от героини романа «В сердце страны» маргинальность Михаэла – это результат его собственного осознанного выбора.

Следующий роман, на примере которого мы хотели бы проследить концепцию маргинального героя в творчестве Дж. М. Кутзее, это «Бесчестье». В 1999 году он принес своему автору вторую Букеровскую премию. Это один из самых обсуждаемых его романов, и многие считают, что именно он помог писателю стать лауреатом Нобелевской премии 2003 года.

Роман повествует о 52-летнем профессоре кейптаунского университета Дэвиде Лури. Его обвиняют (и не беспочвенно) в домогательствах и сексуальной связи с одной из его студенток. На университетском совете Лури предлагается признать свою вину и раскаяться, но герой отказывается от подобной трактовки происшедшего, в результате чего с позором теряет должность. Дэвид переезжает из университетского городка к дочери, живущей на ферме в южноафриканской глубинке – в провинции Истерн Кейп. Люси занимается садоводством и содержит питомник для собак, ей помогает сосед – чернокожий фермер Петрас. Дэвиду больно видеть свою дочь одинокой, стареющей, выброшенной из цивилизованной жизни. Постепенно он находит себе занятие в ветеринарной клинике, заводит дежурный роман с внешне малопривлекательной соседкой ветеринаром Бев Шоу. Однако спокойное течение жизни на ферме нарушается, когда трое негров нападают на ферму, грабят и насилуют дочь, унижают Дэвида и издеваются над ним. После бандитского нападения дочь остается жить на ферме, несмотря на уговоры отца уехать, к примеру, в Голландию, несмотря на ужас ожидания другого нападения. Выясняется, что Люси беременна, и она принимает решение оставить ребенка. В дальнейшем Люси вынуждена рассматривать вариант замужества с пожилым Петрасом в качестве его второй жены, который сможет защитить ее. Дэвид работает в клинике, помогает Бев Шоу в эвтаназии собак и дальнейшей их утилизации.

В отличие от предыдущих романов, в «Бесчестье» Дж. М. Кутзее раскрывает проблему маргинализации героев наиболее глубоко и комплексно, это осуществляется сразу в нескольких сюжетных линиях, а также на различных тематических пластах текста. Можно сказать, что маргинальность – это основной лейтмотив всего романа. Проблема маргинальности раскрывается в сюжетной линии, связанной с конфликтом главного героя в университете и проявляющейся в остракизме, которому подвергается Дэвид со стороны академического сообщества. Поведение Лури не согласуется с общепринятыми нормами, не вписывается в рамки, ведь он отказывается признаться и раскаяться в содеянном. Он добровольно становится изгоем. Оказавшись вне привычной ему среды университета, Лури также не может вписаться в сельскую жизнь на ферме у дочери. И в том мире он оказывается чужаком. В конце романа Лури обретет свое место, поставив целью помогать

в клинике. «Ради чего он взялся за эту работу? Чтобы облегчить бремя Бев Шоу? Для этого было бы достаточно сваливать мешки в кучу и уезжать. Ради собак? Но собаки мертвы, да и что, собственно, знают собаки о чести и бесчестье? Выходит, ради себя. Ради своих представлений о мире, мире, в котором люди не лупят лопатами по трупам, дабы придать им более удобную для ликвидации форму». Маргинальность героя также соотносится с маргинальностью бездомных бродячих собак, которым нет места в этом мире, просто потому что их слишком много. Собаки – такие же отверженные, оказавшиеся на периферии, никому не нужные, единственно помочь которым общество может эвтаназией. Таким образом, маргинальность может также рассматриваться в контексте романа как возвышение персонажа, его собственный путь противостояния несправедливому и жестокому миру.

Ю. В. Стулов

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРИЛОГИИ КЕВИНА КВАНА

Со времени своего зарождения литература США явила себя явлением поликультурным. И если на первых порах среди авторов присутствовали белые англосаксонцы и чернокожие, то сегодня литературный пласт формируется представителями едва ли не всех этнических групп, мужчинами и женщинами, среди которых все большее внимание начинают привлекать писатели китайского происхождения. До недавнего времени их список был достаточно узким. Лишь немногим удалось достичь признания в Америке и получить мировую известность. Это, безусловно, Максин Хонг Кингстон и Эми Тан, которые показали миру душу китайки, по воле судьбы оказавшейся в США и пытающейся пустить корни в новой стране. Дэвид Хенри Хванг привлек внимание к разнице в менталитете европейцев, американцев и людей из Азии и показал трудности на их пути к взаимопониманию. На рубеже XX–XXI вв. под влиянием резко изменившейся общественно-культурной парадигмы значительно выросло количество произведений китайско-американских писателей, которые теперь выделяются в отдельную группу, а не рассматриваются среди авторов азиатского происхождения. Многие из них (а это Гиш Джен, Эрик Лю, Шерли Геок-лин Лим, Шон Вонг, Бетт Бао Лорд) удостоены престижных литературных премий, а их творчество стало предметом изучения в американских университетах, что является признаком признания в литературной среде.

2010-е годы принесли огромный успех произведениям Кевина Квана, по происхождению сингапурца, переехавшего в США в возрасте 11 лет и после учебы в университете и школе дизайна обосновавшегося в Нью-Йорке, где он испробовал себя в качестве дизайнера, фотографа, журналиста, сотрудничавшего с Энди Уорхолом. Популярность ему принесла трилогия, включающая романы «Сумасшедшие богатые азиаты» (другой вариант перевода названия – «Безумно богатые азиаты», *Crazy Rich Asians*, 2013), «Китайская богатая девушка» (другой перевод – «Безумно богатая китайская девушка»),